
НАУЧНЫЕ ВЗГЛЯДЫ ВЕДУЩИХ УЧЕНЫХ ЮГА РОССИИ

Юбилей профессора А.В. Лубского и его научные взгляды

23 октября 2017 года исполняется 70 лет ведущему ученому Юга России, члену экспертного совета и заместителю главного редактора журнала «Гуманитарий Юга России» Лубскому Анатолию Владимировичу. Редакция журнала «Гуманитарий Юга России» сердечно поздравляет Анатолия Владимировича с юбилеем и желает ему крепкого здоровья, долгих лет жизни, новых творческих и профессиональных достижений! Хотелось бы выразить Вам, уважаемый Анатолий Владимирович, свою особую признательность и искреннюю благодарность за работу и внесенный вклад в становление и развитие научного журнала!

Лубский Анатолий Владимирович – известный российский ученый-гуманитарий, доктор философских наук, профессор кафедры теоретической социологии и методологии региональных исследований Института социологии и регионоведения Южного федерального университета, заместитель главного редактора журнала «Гуманитарий Юга России».

В 1971 г. он окончил исторический факультет Ростовского государственного университета, учился в аспирантуре РГУ, а в 1975 г. защитил кандидатскую диссертацию по историческим наукам на тему «Южнороссийская промышленность во второй половине XIX века (техно-экономическая структура)». Работал на кафедре методики источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин исторического факультете РГУ, заведовал кафедрой истории СССР в Ставропольском государственном

ном педагогическом институте. С 1990 г. трудится в Институте переподготовки и повышения квалификации ЮФУ, преобразованного в 2014 г. в Институт социологии и регионоведения ЮФУ. В 2005 г. защитил докторскую диссертацию по социальной философии на тему «Альтернативные модели исторического исследования: концептуальная интерпретация».

В настоящее время А.В. Лубский – руководитель грантов «Ментальные программы и модели социального поведения в российском обществе» (РНФ) и «Антропоток и этнические диаспоры: социальные практики взаимодействия, особенности коллективных идентичностей и национальная безопасность в странах со сложной этнокультурной структурой (Россия и Германия)» (РГНФ).

Юбиляр является автором свыше 950 научных статей, монографий, словарей, учебников и учебных пособий по истории, социологии, культурологии, политологии, философии и регионоведению, а также монографии, опубликованной в зарубежном издательстве, и 23 научных статей в журналах, входящих в международные базы данных Scopus и Web of Science. Под его руководством подготовлено 25 кандидатов философских, социологических и исторических наук. Он является председателем редакционного совета журнала «Политическая концептология», членом редакционных коллегий журналов «Философия права» и «Культурная жизнь Юга России».

Своей неустанной, систематической научной и педагогической работой профессор А.В. Лубский много делает для развития социально-гуманитарных наук на Юге России, и мы надеемся на то, что эта деятельность будет такой же интенсивной и плодотворной.

*Редакция журнала
«Гуманитарий Юга России»*

Редакция научно-образовательного журнала «Гуманитарий Юга России» взяла интервью у А.В. Лубского в связи с его 70-летием.

Редакция:

– Анатолий Владимирович, Вами опубликовано свыше 960 научных и учебных работ в самых различных областях социального и гуманитарного знания. Задам традиционный вопрос: откуда Вы родом и как пришли в науку?

А. Лубский:

– Я родился в семье военнослужащего, поэтому часто приходилось переезжать с места на место, переходить из одной школы в другую. После того как моего отца перевели служить в Германию, мне пришлось пять лет жить с бабушкой Евдокией Яковлевной Павловой на станции Лихой Ростовской области и учиться в железнодорожной школе № 104.

Моя бабушка была неграмотной: когда ей приходила пенсия за погибшего во время Великой Отечественной войны сына, то она вместо росписи ставила крестик. Я все время пытался научить ее писать, и это мне в определенной мере удалось. Так я начал приобщаться к профессии педагога, хотя о том, что буду когда-нибудь преподавать в университете, в то время, конечно, не думал.

У моей бабушки было пять детей, но ей, рано оставшейся без мужа, удалось их выучить и дать, как тогда говорили, «путевку в жизнь», но главное – это то, что все они оказались очень порядочными и отзывчивыми людьми.

Когда прибежали мальчишки и звали меня играть в футбол, она всегда у них спрашивала, сделали ли они уроки. И если они отвечали, что нет, гнала их палкой, приговаривая: «Где ваша гражданская совесть!». До сих пор удивляюсь тому, каким образом в ее семье воцарился культ знаний и повышенной личной ответственности, но навсегда запомнил ее максимы: «неграмотный, что дурной», «то, что ты сделал, лучше бы вообще не делал».

Я учился на «отлично». Наверное, это от природы, но в немалой степени и потому, что «делать уроки» для меня было «категорическим императивом» – не просто суровой необходимостью, но и нравственным занятием – не помню, чтобы я хоть бы раз в жизни пришел в школу с невыполненными домашними заданиями. Так постепенно вырабатывались привычка к любознательности и понимание того, что утолить жажду знаний невозможно без каждодневного труда. Эта привычка заставляет меня и сегодня перед каждым учебным занятием читать новую научную, учебную литературу и «шлифовать» тексты, предлагаемые студентам для понимания и размышления. Так что и сейчас я не хожу в университет с невыученными «уроками».

Однако вернусь непосредственно к вашему вопросу. Десятый и одиннадцатый классы я заканчивал в школе № 1 г. Каменска-Шахтинского, куда приходилось ходить через весь город, поскольку только в этой школе преподавали французский язык, который я стал изучать ранее. Класс был небольшим, может быть, поэтому преподаватели много внимания уделяли каждому из нас, причем стремились развивать и познавательный интерес, и творческие способности. Например, мне поручали иногда вести занятия по математике, другим – по иным школьным предметам. Нас специально готовили для участия в олимпиадах. Я, например, участвовал в олимпиаде школьников Ростовской области по физике и занял третье место, дававшее право как отличнику без экзаменов поступить в Новочеркасский политехнический институт.

Однако мне все же нравились гуманитарные дисциплины. Не знаю почему, но моим юношеским романтическим увлечением стала философия, и я решил поступать на философский факультет МГУ. Написал туда письмо, и мне ответили, что принимают только лиц, имеющих двухлетний стаж работы или отслуживших в армии. После этого я написал письмо в Таш-

кентский государственный университет, где, как я выяснил, на философский факультет принимали и школьников. Ответили, что принимают преимущественно школьников из Узбекистана. И вдруг мой старший приятель сообщил, что в Ростовском государственном университете открылся философский факультет, и мы, естественно, поехали сдавать документы. Однако меня вновь постигло разочарование: в приемной комиссии сообщили, что школьникам надо представить рекомендации обкома комсомола. Поскольку я даже не знал, что это такое, я выбрал для поступления исторический факультет. Конкурс был 24 человек на одно место. Хорошо, что мне надо было сдавать всего один экзамен, с чем я успешно справился.

На первом курсе у нас занятия по истории КПСС поначалу вел Евгений Николаевич Осколков, ставший позже директором Института повышения квалификации преподавателей общественных наук, предтечи нашего Института социологии и регионоведения, 50-летний юбилей которого мы скоро официально будем отмечать. Е.Н. Осколков был вдумчивым и требовательным преподавателем, постоянно побуждая нас не к заучиванию историко-партийных текстов, а к мыслительной работе над ними. Его педагогические уроки мне очень пригодились, когда через несколько лет он пригласил меня, уже аспиранта, вести после него семинарские занятия по истории партии на филологическом факультете. А тогда, в 1966 г., Евгений Николаевич Осколков предложил мне выступить с докладом на студенческой научной конференции. Из предложенной тематики я выбрал доклад «Возрастание роли КПСС в период строительства коммунизма». Эта тема мне казалась очень значимой: в 1961 г. была принята программа КПСС – программа строительства коммунизма, и многие из нас искренне полагали, что уже через двадцать лет советские люди будут жить при коммунизме и, в частности, бесплатно ездить на трамвае. Особых научных лавров со своим докладом я не снискал. Наверное, преподаватели в жюри не испытали особого восторга от самой темы, но грамотой, на всякий случай, меня наградили. Однако благодаря консультациям Евгения Николаевича Осколкова я начал понимать, правда, еще не до конца, что такое научный доклад.

Собственно к науке как делу высокому и увлекательному я стал общаться уже на втором курсе благодаря Юзефу Иосифовичу Серому, думающему преподавателю и уникальной личности. Это был своеобразный «генератор» идей, которыми он одаривал своих коллег и учеников. На втором курсе он пригласил меня, а также однокурсников Валентину Корзун, Леонида Опенкина, Надежду Гребенюк, Василия Ядрицова в свой научно-образовательный кружок. Впоследствии все они защитили докторские или кандидатские диссертации. Думаю, и я стал ученым благодаря прежде всего тому, что прошел научную школу Ю.И. Серого. В этой школе сформировались мои научные интересы, ценностное отношение к науке и, что не менее важно, представления о научном этосе. Все мы считаем Юзефа Иосифовича Серого своим учителем, которому в этом году исполнилось бы 95 лет. Он

был из плеяды тех шестидесятников, которые задумались о необходимости нового прочтения марксизма и преодоления на этой основе догматизма, все еще процветавшего в 60-х гг. в науке и высшей школе. По своим взглядам он также примыкал к «новому направлению» в советской исторической науке, представители которой стремились к творческому применению марксистской теории при изучении истории СССР.

Недавно мы подготовили сборник биографических очерков о преподавателях исторического факультета, работавших в РГУ в 60–90-х гг. прошлого века. Осталось найти деньги для издания этой книги, благого, как мне представляется, дела. Своих учителей нельзя предавать забвению.

Для этого сборника мною был написан очерк о Ю.И. Сером, в котором приводится фрагмент из воспоминаний доктора исторических наук, профессора Валентины Павловны Корзун, работающей ныне в Омском государственном университете. «Помню, как-то однажды Ю.И. Серый, – вспоминает она, – пригласил нас, кружковцев, на заседание методологического семинара преподавателей исторического факультета, на котором он делал доклад, посвященный проблемам рабочего класса периода империализма. В докладе речь шла о логике движения отдельных понятий, а именно – ленинских определений империализма и характеристиках различных классов и сословий. В те годы первые опыты критического отношения к ленинским характеристикам, попытки выявить их различие и трактовать в определенном контексте, воспринимались как скандал. Участники дискуссии, подбегая к стеллажам, открывали том В.И. Ленина, зачитывали с победным видом цитату и считали, что этого достаточно. Многим историкам тогда трудно было отказаться от апелляции к классику как непоколебимой истине. Удивительно, но факт: главным аргументом для многих была ленинская цитата, а главным орудием критики – совсем не риторический вопрос: “Вы что, против Ленина?”».

Ю.И. Серый постоянно обращал наше внимание на то, что без критического отношения к научным текстам предшественников, кому бы они ни принадлежали, и к историческим источникам, из какого бы лагеря они ни исходили, не может быть научного исследования. В этом плане помню его рассуждения о том, что, в частности, история партии в исполнении советских историков никакого отношения к науке не имеет, поскольку строится исключительно на партийных документах без всякой источниковедческой критики и на вере в непогрешимость ее «генеральной линии». Благодаря Ю.И. Серому я впервые увидел (в прямом смысле слова) уникальные источники по истории дореволюционной России, полистал многотомные фолианты отчетов статистических комитетов, протоколов съездов горнопромышленников Юга России, «Переписи населения Российской империи», хранившиеся в подвале ныне Ростовской публичной библиотеки. Так постепенно приходило осознание того, что без репрезентативной базы исторических источников не может быть и самого исторического исследования.

Перед нами, кружковцами, выступали ведущие московские историки, которых Ю.И. Серый приглашал для чтения специальных курсов (А.Я. Аврех, К.Н. Тарновский, Ю.И. Кирьянов). Это были представители «нового направления в исторической науке», позже разгромленного идеологическим отделом ЦК КПСС. Общение с ними не просто оставляло неизгладимое впечатление, а будоражило наше историческое сознание, заставляло по-новому смотреть не только на историю, но и на мир историков, на то, что непогрешимых истин, даже одобренных сверху, в исторической науке нет и быть не может. Так постепенно мы приобщались к научной работе, овладевая методикой критики научных текстов и исторических источников, а также реконструкции исторической реальности путем интерпретации научных фактов.

В 1970 г., будучи на четвертом курсе, мне удалось выиграть Всесоюзный конкурс научных студенческих работ, посвященный 100-летию со дня рождения В.И. Ленина. Это была моя первая самостоятельная научная работа, выполненная на основе такого уникального исторического источника, как «Первая перепись населения Российской империи в 1897 году» в рамках ленинской методологии исследования социальной структуры российского общества. Чествование победителей проходило в г. Ульяновске, в недавно построенном к этой дате мемориальном комплексе. Я был награжден медалью Академии наук СССР, которую вручал академик П.Н. Пospelов. Так я впервые вообще увидел живого академика, мягко пожимавшего мне руку.

В 1971 г. я поступил в заочную аспирантуру по истории СССР (очных мест по этой специальности в этом году не было). Меня пристроили работать лаборантом на кафедру всеобщей истории, а Е.Н. Осолков договорился с руководящими партийными товарищами, чтобы мне, не члену КПСС, разрешили за ним вести семинарские занятия по истории партии.

В 1972 г. я был зачислен в очную аспирантуру к Ю.И. Серому, где изъявил желание продолжить научные занятия по теме социальной структуры населения Юга России в период империализма. Так появилась моя первая опубликованная научная работа «О социально-классовой структуре промышленного населения России в конце XIX – начале XX века» (Вопросы общественных наук. Ростов н/Д. : Изд-во Ростовского ун-та, 1972). Занимаясь этим, я углубился в историю южнороссийской промышленности, стал изучать ее технико-экономическую базу как фактор формирования социально-классовой структуры населения Юга России.

Подготовка диссертации в то время была немыслима без работы в архивах. Однако Ю.И. Серый меня долго туда не пускал, хотя другие аспиранты уже всюду пытались «широким фронтом», как рекомендовал один из аспирантских руководителей, охватить весь корпус исторических источников по темам своих исследований. Он говорил, что эти аспиранты еще не представляют себе, что конкретно они будут изучать, и поэтому не понимают, что они должны искать в архивных документах. Лишь после того, как

я вразумительно сформулировал проблему, цель и задачи своего исследования, Ю.И. Серый разрешил мне работать в архивах. Так я начал различать историческое исследование и историческое сочинение на заданную тему. После того как я ознакомил своего научного руководителя с полученными результатами научных изысканий, он сказал, что в науке важно вовремя остановиться, а новизна этих результатов вполне достаточна для оформления их в качестве кандидатской диссертации. В 1975 г. я защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук на тему «Южнороссийская промышленность во второй половине XIX века (технико-экономическая структура)».

Не могу не вспомнить интересный эпизод, связанный с моими научными занятиями во время подготовки кандидатской диссертации. В начале 1973 г. Е.Н. Осколков, будучи в то время главным редактором журнала «Известия СКНЦ ВШ. Общественные науки», предложил мне написать статью, посвященную ленинской проблематике. Тогда было принято печатать в апрельских номерах журналов статьи такого содержания. Статья на тему «В.И. Ленин об экономической структуре промышленности капиталистической России во второй половине XIX века» была мною подготовлена, и уже в марте я получил ее гранки. Однако буквально на следующий день после этого в газете «Правда» было опубликовано сообщение о состоявшемся совещании в отделе науки ЦК КПСС, где «новое направление» в исторической науке было охарактеризовано как «ревизионистское», представляющее собой покушение на теоретические, программные, стратегические и тактические основы ленинизма. Главным объектом критики была избрана концепция многоукладности дореволюционной России, получившая разработку в рамках этого направления. По мнению партийного руководства, эта концепция ставила под сомнение утверждение капитализма в России и тем самым социалистический характер Октябрьской революции. После этого мою статью, эмпирически верифицирующую эту концепцию на конкретном материале, посвященном экономической структуре промышленности капиталистической России, надо было срочно изъять из журнала, а мне объявить выговор. Однако Е.Н. Осколков поступил иначе. Как антидогматически настроенный исследователь, он, думаю, разделял некоторые положения этой концепции, иначе как объяснить тот факт, что он вызвал меня в свой кабинет в ИПК РГУ и совместно со мной правил статью, сохранив при этом и основное ее содержание, и необходимый в этом случае идеологический политекс. В результате статья была благополучно опубликована в очередном номере журнала «Известия СКНЦ ВШ» (1973. № 4), не вызвав никаких идеологических нареканий.

Редакция:

– Анатолий Владимирович, о том, что Вы историк по образованию и кандидат исторических наук, все же знают немногие. В академическом со-

обществе Вы больше известны как методолог. В связи с этим вопрос: почему и как Вы стали методологом?

А. Лубский:

– Я уже рассказывал, как в 1970 г. мне впервые довелось встретиться с академиками. Однако на меня незабываемое впечатление произвел тогда Павел Васильевич Копнин, ставший в том году членом-корреспондентом АН СССР. Случайно он оказался в одном вагоне с нами, возвращающимися из Ульяновска в Москву. По-доброму и по-простому он зашел в наше купе, и мы за стаканом чая проговорили около трех часов на необычную в то время для нас тему – методологии науки. В конце беседы он подарил нам недавно вышедшую книгу «Логические основы науки». Приехав домой, я проштудировал эту книгу – и так началось мое вхождение в методологию научного познания.

На последнем курсе спецкурс по источниковедению истории СССР у нас читал Александр Павлович Пронштейн, уделявший особое внимание не только методике источниковедческой критики, но и методологии исторического исследования. Я подошел к нему и изъявил желание под его руководством заниматься разработкой методологических проблем исторической науки. Для начала он посоветовал мне разобраться с вопросом, что такое методология истории. Параллельно, занимаясь подготовкой дипломной работы по истории СССР под руководством Ю.И. Серого, я увлеченно изучал специальные работы методологического содержания. Это увлечение позже вылилось в подготовку реферата для сдачи в 1971 г. кандидатского экзамена по марксистско-ленинской философии. Правда, преподаватель, проверивший этот реферат, поставил мне за него оценку «хорошо», поскольку я, как он написал, не в полной мере раскрыл содержание исторического материализма как методологии исторической науки. Однако экзамен по этой дисциплине я все же сдал на «отлично» и этим горжусь до сих пор, поскольку принимал его не кто иной, как профессор Михаил Михайлович Карпов – первый декан философского факультета РГУ, занимавшийся в то время проблемами развития науки и научного творчества и очень скептически относившийся к философским способностям историков и прочих гуманитариев. Сдать экзамен на пятерку для историка считалось маленьким подвигом.

Впоследствии в области разработки методологических проблем исторической науки я активно сотрудничал с А.П. Пронштейном, бывшим в 70–80-х гг. прошлого века одним из известных советских историков-источниковедов. После разгрома «нового направления» в советской исторической науке именно источниковедение стало тем пространством научного дискурса, в рамках которого можно было вне ангажированного идеологического контекста обсуждать не только методические, но и методологические проблемы исторического познания. Однако такого рода обсуждения

были всегда чреватые для советских историков неприятными последствиями, поскольку они часто касались решения уже «решенных вопросов».

Методологические вопросы истории относились к тем «решенным вопросам» марксистско-ленинской теории исторического познания, которые можно было легально обсуждать только с разрешения ЦК КПСС и в границах, дозволенных его идеологами. Методологические поиски шестидесятников, направленные на рационализацию марксистского понимания истории, вплотную подошли к границам такой дозволенности, а в ряде случаев и перешагнули их. Поэтому в начале 70-х гг. был введен запрет на какое бы то ни было частное толкование марксизма и его творческое развитие. Исключительное право на это закреплялось за идеологическим аппаратом ЦК КПСС, который после разгрома «нового направления» в советской исторической науке не свернул методологическую проблематику, а, наоборот, пошел по пути ее актуализации. Методологический бум, развернувшийся после разгрома «нового направления» в советской исторической науке, был акцией, направленной на то, чтобы методологические поиски осуществлялись в русле официального марксизма-ленинизма, а не очередного «нового его прочтения». В активизации интереса к методологическим проблемам истории большую роль сыграл также международный контекст, связанный с выходом советской исторической науки на международную арену. Советская историческая наука стала постепенно переходить от самоизоляции и теоретического «высокомерия» к сотрудничеству. Диалога, как правило, не получалось, и сотрудничество превращалось в методологическую конфронтацию. Однако регулярное участие отечественных историков в международных исторических конгрессах, проведение в Москве в 1970 г. XIII Международного конгресса исторических наук, материалы которого были опубликованы на русском языке, создавали интеллектуальную основу для обмена методологическими идеями, несмотря на всю ригористическую риторику адептов марксистско-ленинского учения.

В годы методологического бума я работал доцентом на кафедре источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин, возглавляемой А.П. Пронштейном. Поначалу он достаточно осторожно отнесся к идее разработки на кафедре методологических вопросов исторического исследования. Однако после того, как в середине 70-х гг. в журнале «Вопросы истории КПСС» была начата дискуссия по проблемам методологии истории, мы написали совместную статью «О некоторых вопросах методологии истории КПСС», которая была опубликована в журнале в 1977 г. Почему дискуссия по методологическим вопросам истории была начата в журнале «Вопросы истории КПСС», а не в журнале, например, «Вопросы истории»? Это было обусловлено тем, что журнал «Вопросы истории КПСС» был печатным органом Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Поэтому дискуссии придавался официальный характер и, следовательно, ее итоги надо было рассматривать в качестве обязательной установки познаватель-

ной деятельности в исторической науке в плане того, что изучать и как изучать. Идеологи ЦК КПСС еще раз напомнили академическому сообществу историков, кто есть истина в последней инстанции. Кроме того, такая дискуссия позволяла выяснить, где «жмет» методологический «башмачок». Тем более история партии как особая отрасль советской исторической науки в то время была наиболее догматизированной и в наименьшей степени отвечавшей требованиям научности даже по существовавшим тогда марксистским меркам.

В центре внимания дискуссии, развернувшейся на страницах журнала «Вопросы истории КПСС», оказались такие вопросы, как: 1) что такое методология истории; 2) какова структура методологии истории; 3) каковы базовые принципы марксистско-ленинской методологии исторического исследования. Отвечая на вопрос, что такое методология истории, мы предложили различать методологию истории как систему теоретического знания, определяющую исследовательскую деятельность в исторической науке, и методологию истории как научную дисциплину, предметом изучения которой является опыт научно-исследовательской деятельности в его абстрактно-теоретической форме. В структуре методологии истории как системе предпосылочного знания предлагалось выделять: 1) исторический материализм как методологическую основу всех общественных наук; 2) собственно методологию исторического познания, отражающую его специфику; 3) методологию научных исследований, связанных с изучением конкретной исторической проблематики. Такое представление о методологии истории в структуре методологии исторического исследования разделялось далеко не всеми участниками дискуссии – некоторые из них усмотрели в этом занижение роли исторического материализма как единственно правильной, на их взгляд, методологии исторического познания. В заключительной статье, подводившей итоги дискуссии, написанной Н.Н. Масловым (видным в то время «теоретизирующим» историком партии), нас пожурили, отметив, что А.В. Лубский и А.П. Пронштейн «выдумывают» какую-то особую методологию истории, отличную от исторического материализма. Для А.П. Пронштейна, «высланного» в годы «борьбы с космополитизмом» из Москвы на научную периферию, это было сигналом быть более осторожным в обсуждении «решенных вопросов», однако не поводом для сворачивания «знамен».

Прогуливаясь по утрам по улице Пушкинской, мы с А.П. Пронштейном не раз пытались найти ответ на вопрос, почему на основе одних и тех же исторических источников в рамках одной и той же (марксистской) теории исторического познания возможно получение различных научных результатов. В частности, в качестве примера он приводил изучение истории опричнины в России: вначале были работы П.А. Садикова, затем появились исследования А.А. Зимина, потом Р.Г. Скрынникова – источники у них были одни и те же, методология марксистская, а результаты – противополож-

ными. Это заставляло меня задуматься не столько о роли исторического материализма в работе историка, сколько о методологии его исторического исследования. В 1978 г. мы выступили на Всероссийской научной конференции с докладом «Методологические проблемы исторической науки в современной советской литературе». В докладе мы обратили внимание на необходимость конституирования такой научной дисциплины, как методология истории, и включения ее в качестве учебной дисциплины в программу подготовки историков в высшей школе. В 1983 г. в «Українському історическому журналі» (№ 7) нами была опубликована статья «Про поняття методології та методу в історичній науці», в которой подводились некоторые итоги, связанные с поиском методологических оснований конкретных исторических исследований.

В те годы А.П. Пронштейн познакомил меня с членом-корреспондентом АН СССР Иваном Дмитриевичем Ковальченко (ставшим в 1987 г. академиком), занимавшимся в то время методами исторического исследования, в том числе количественными, применительно к изучению массовых источников по социально-экономической истории России периода капитализма. Мною с А.П. Пронштейном был опубликован ряд рецензий на его научные работы в этой области. Общаясь с И.Д. Ковальченко на источниковедческих конференциях, я рассказал ему о замыслах подготовить докторскую диссертацию по методологии исторического исследования. Он эту идею одобрил и согласился быть научным консультантом. Однако поиски методологических оснований конкретных исторических исследований закончились для меня неожиданным, но вполне предсказуемым образом. В 1983 г. я предложил А.П. Пронштейну написать в журнал «Вопросы истории» совместную статью о методологических проблемах исторического исследования. Однако он отказался, сказав, что уже не те времена, чтобы писать статьи на эту тему. Я же, по молодости лет думая, что в науке вообще не должно быть «решенных вопросов», такую статью написал и отослал ее в редакцию журнала. Будучи с оказией в Москве, зашел в редакцию к заместителю главного редактора журнала доброжелательному Ивану Васильевичу Созину, и он показал мне рецензию, написанную, с его слов, академиком А.М. Самсоновым, где было сказано, что в статье поднимаются злободневные вопросы методологии исторического познания, но автор их рассматривает с немарксистских позиций. Далее предлагалось вызвать меня в редакцию и обсудить эту статью, а результаты обсуждения опубликовать в журнале. Какие могли быть результаты, можно, конечно, только догадываться. К счастью, времена уже были все же не те: никакого разгромного обсуждения в редакции устраивать не стали и дело потихоньку замяли. Когда я о содержании рецензии рассказал А.П. Пронштейну, он задумчиво ответил: «Я же тебе говорил, что надо прекращать писать о методологии истории». Опубликовав еще одну статью «О природе методологической дея-

тельности в исторической науке» в «Известиях СКНЦ ВШ», я отложил занятия методологией истории до лучших времен.

И такие времена наступили. Выступая в 1997 г. на научных чтениях памяти И.Д. Ковальченко, я сделал доклад на тему «Альтернативные модели исторического исследования», где я впервые изложил основные идеи, которые затем легли в основу моей докторской диссертации «Альтернативные модели исторического исследования», защищенной в 2005 г. по социальной философии. Работая над проблематикой, связанной с этой диссертацией, я постепенно стал выходить за пределы исторической науки, увлекаясь методологическими проблемами социально-гуманитарного познания в целом. Большую роль в понимании этих проблем сыграла моя педагогическая деятельность в Институте по переподготовке и повышению квалификации преподавателей социальных и гуманитарных наук РГУ, а также открытом при нем отделении регионоведения. Для слушателей института и студентов отделения мною были разработаны учебные курсы по методологии научного исследования, методологии региональных исследований. Благодаря гранту ЮФУ удалось опубликовать учебное пособие «Методология региональных социально-гуманитарных исследований» (Ростов н/Д. : Изд-во ЮФУ, 2009) для аспирантов, молодых ученых и магистров. В последнее время были изданы «Методология научного исследования : учебное пособие для магистрантов» (Ростов н/Д. : Фонд науки и образования, 2016), «Методология социального исследования : учебное пособие» (М. : ИНФРА-М, 2017). Готовится к публикации в московском издательстве «ИНФРА-М» учебное пособие для магистрантов «Методология регионального исследования». Совместно с Ю.Г. Волковым опубликована монография «Социология в России: в поисках новых идей и креативности» (Ростов н/Д. : Изд-во ЮФУ, 2017), посвященная методологическим проблемам социологического познания. Кроме того, вышло более 100 статей, посвященных отдельным методологическим сюжетам в рамках таких научных дисциплин, как история, культурология, политология, регионология, социология, элитология.

Редакция:

– *Теперь понятно, почему, согласно последним данным РИНЦ, Вы входите в число топ-100 самых продуктивных ученых России в области социологии, истории и политологии. В связи с этим следующий вопрос: какие Ваши научные достижения Вы сами считаете наиболее значимыми?*

А. Лубский:

– Спектр моих научных интересов стал расширяться после того, как Ю.Г. Волков, будучи директором ИПК при РГУ, пригласил меня для работы в институте и поручил организацию переподготовки преподавателей вузов по политологии. Было это в самом конце 80-х гг., накануне распада СССР и уже ощущавшегося в эпоху перестройки кризиса марксистско-ленинского общественознания. Вместо истории КПСС в вузах стали препода-

вать политическую историю, вместо научного коммунизма – историю социализма и политологию, вместо марксистско-ленинской философии – философию, вместо политэкономии – макроэкономику. В связи с этим на первых порах приходилось разрабатывать новые учебные программы, курсы лекций, проводить научно-методические конференции по проблемам преподавания этих дисциплин, а затем и разрабатывать соответствующие учебные пособия. Без основательной методологической подготовки с этой работой трудно было справиться, поэтому, работая на кафедре политологии, социологии и права и активно сотрудничая с кафедрами истории, а также философии и культурологии, я в той или иной мере занимался методологической проблематикой этих дисциплин.

Теперь о вашем вопросе, какие научные достижения я считаю наиболее значимыми. Думаю, что об этом судить не мне, а академическому обществу. Поэтому лучше остановлюсь на тех результатах своей научной деятельности, которые являются своеобразными вехами в моей научной биографии.

Начну с исторической науки. В кандидатской диссертации мне удалось доказать, что формирование капиталистической промышленности на Юге России во второй половине XIX в. происходило особым путем, и тем самым «опровергнуть» универсальный характер теории «трех стадий развития капитализма в промышленности», предложенной В.И. Лениным в книге «Развитие капитализма в России». Во-первых, фабрики возникали на Юге России, минуя стадии мелкотоварного и мануфактурного производства. Во-вторых, рост фабрик на Юге России сопровождался не вытеснением этих видов промышленности, а, наоборот, стимулированием, в частности, мелкотоварного производства.

В области исторического источниковедения мною совместно с А.П. Пронштейном были разработаны методология и методика изучения массовых исторических источников (см.: Некоторые теоретические и методические проблемы источниковедения массовых источников // Источниковедение отечественной истории. 1981. М. : Наука, 1982).

Мною на концептуальном уровне были изучены на стыке истории и эпистемологии существующие научно-исследовательские практики в исторической науке и сконструированы классическая, неклассическая и неоклассическая модели исторического исследования. Затем в научный оборот было введено также понятие неоклассической модели социологического исследования, сложившейся в рамках критического направления в социологии после постмодернизма, методологической основой которой является принцип конструктивного реализма.

Были выявлены образы России как русской, российской, евразийской, православной, восточнохристианской, русско-славянской цивилизаций, сложившиеся в философской и научной литературе. На стыке философии, истории и культурологии была предложена концепция России как локальной цивилиза-

ции, в рамках которой выделены такие спатальные, темпоральные и конативные параметры, как государственность, являющаяся доминантной формой социальной интеграции, мобилизационно-модернизационный социотип развития и этатистско-патерналистский культурный архетип. В связи с этим в культурологии удалось инструментализировать понятие культурного архетипа как системы представлений, ценностей и установок социального поведения нерелексивного характера, позже названной мною ментальной матрицей.

В политологии были раскрыты методологические возможности изучения политических элит в рамках классической, неклассической и неоклассической моделей элитологических исследований.

Было предложено новое понимание междисциплинарных исследований, различающее мультидисциплинарные, интердисциплинарные и трансдисциплинарные научные исследования.

Удалось раскрыть методологические возможности геоисторической, географической, геополитической, геоидеологической, геокультурной и геоэкономической парадигм в евразийских научных исследованиях.

В педагогике вместе с профессором Г.И. Герасимовым была разработана познавательноразвивающая парадигма высшего образования.

Редакция:

– Над решением каких научных проблем Вы сегодня работаете, вернее, трудитесь? Мы знаем, что Вам не нравится слово «работа», а больше по душе «труд».

А. Лубский:

– Действительно, мне больше по душе трудиться, чем работать. В русском слове «работа» есть нечто негативное, связанное с рабской покорностью и повинностью.

Что касается научных интересов, то сегодня продолжаю трудиться с душой над выполнением заданий по грантам РФФИ и РГНФ: «Институциональные практики и ценностная политика в сфере гармонизации межэтнических отношений в экономически развитых странах со сложной этнокультурной структурой: сравнительный анализ и моделирование имплементации в российских условиях» (руководитель Ю.Г. Волков), «Ментальные программы и модели социального поведения в российском обществе» (руководитель А.В. Лубский), РГНФ – «Институциональные практики в межэтническом и межрелигиозном взаимодействии на Юге России: междисциплинарный анализ и оценка потенциала использования в укреплении общероссийской идентичности» (руководитель Ю.Г. Волков), «Антропоток и этнические диаспоры: социальные практики взаимодействия, особенности коллективных идентичностей и национальная безопасность в странах со сложной этнокультурной структурой (Россия и Германия)» (руководитель А.В. Лубский), а также над реализацией проекта госзадания Министерства образования и науки Российской Федерации «Гражданский патриотизм в формировании и развитии солидаристских практик на Юге России: ресурс-

ный потенциал и условия его реализации» (руководитель Ю.Г. Волков). В рамках этих грантов занимаюсь разработкой многомерных методологических конструктов междисциплинарных научных исследований нациестроительства и национальной интеграции, ценностной политики и институциональных практик в сфере межэтнических отношений; общероссийской идентичности, солидаристских практик и гражданского патриотизма; социальных практик взаимодействия миграционных потоков и этнических диаспор, особенностей коллективных идентичностей и национальной безопасности; ментальных программ и моделей социального поведения.

Кстати о грантах, в которых я являюсь руководителем. Надеюсь, что для исполнителей этих проектов научные исследования окажутся не просто «удовлетворением любопытства за казенный счет», а интеллектуальным «плацдармом» для покорения новых научных вершин. Поэтому выражаю надежду на то, что участие в грантах таких наших преподавателей, как Е.Ю. Колесникова, Н.А. Вялых, Н.И. Чернобровкина, А.В. Бедрик, Л.Ш. Крупенникова, В.П. Войтенко, будет важным шагом на пути к подготовке и защите докторских диссертаций.

Редакция:

– И еще один вопрос: чем Вы собираетесь нас порадовать в ближайшее время в научном плане?

А. Лубский:

– Как говорится, человек предполагает, а Бог располагает, поэтому я придерживаюсь наполеоновского принципа «война план покажет». Сегодня пока продолжаю размышлять над эпистемологическими «догматами» в социальных и гуманитарных исследованиях, а также над эпистемологическим конфликтом «отцов» и «детей» в интеллектуальном интерьере современной российской социологии.

Редакция:

– В заключение позвольте, уважаемый Анатолий Владимирович, в преддверии вашего юбилея пожелать Вам новых творческих успехов и научного долголетия. Всего вам доброго!

А. Лубский:

– Благодарю за пожелания. Надеюсь вскоре увидеть журнал «Гуманитарий Юга России» в базе данных Scopus.